

Любовь Голубева

Анна Соколова. Новому человек — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: НЛО, 2021. 456 с. ISBN 9785444817230.

Любовь Голубева, АНО «Пропповский центр»: Гуманитарные исследования в области традиционной культуры. Адрес для переписки: АНО «Пропповский центр», 1-я линия В. О., д. 4, к. 28, Санкт-Петербург, 199034, Россия. pragmeta-1@yandex.ru.

Сегодня социологи, культурологи, антропологи наблюдают и фиксируют всевозможные экзистенциальные сдвиги, связанные с семейной обрядностью, и борьбу между традиционными и новыми взглядами на норму. Можно многое изменить или даже отменить. Однако смерть отменить, к сожалению, нельзя. Люди умирали в любые времена, и всегда существовала необходимость как-то взаимодействовать с мертвыми телами. Смерть и практики, с ней связанные, – это необъемлемая часть повседневной и ритуальной культуры каждого народа.

Анна Соколова в качестве тем для своего исследования выбирает смертность и похоронные практики в раннесоветский период, а также тему смерти советского человека в ее символическом смысле. В фокусе этого масштабного исследования оказываются изменения базовых практик, связанных с манипуляциями с мертвыми телами в период с 1917 года по 1940-е. Соколова указывает, что советский проект в своей основе был модернистским и, как следствие, урбанистическим и даже в некоторой степени наднациональным. При этом исследователя интересует в первую очередь динамика отказа от традиций, а не ситуации их сохранения. Основная часть исследования посвящена тому, как формировалась новая риторика моральности, и тому, какие практические трудности возникали у власти, исполнителей и простых граждан в связи с похоронными практиками. Книга состоит из введения, пяти глав и приложения, в которое включены упоминаемые в работе документы об организации похоронного дела.

Во введении автор вводит понятие десемантизации смерти, то есть утраты смертью традиционного ее понимания. В дореволюционное время в России монополистом в деле организации похорон и кладбищ была церковь, а семейные обряды (свадьба, крестины, похороны) имели ярко выраженный сословно-конфессиональный характер и одновременно представляли собой общественный ритуал. Чтобы проследить динамику изменений в похоронной традиции и смертных практиках, Соколова описывает порядок похоронного дела предреволюционной эпохи.

Пришедшая на смену религиозным порядкам большевистская идеология меняет уклад, вытесняя похоронные практики из публичной сферы в частную. В результате этого процесса в современной России тема смерти до сих пор остается табуированной и практически не выводится в зону публичного дискурса. На мой взгляд, такая оценка ситуации в большей степени применима к мегаполисам. Маленькие города, районные центры и поселки сохраняют и поддерживают традицию газетных некрологов, в которых сообщается о смерти рядовых жителей, выражаются соболезнования и т. п. (Онипко 2016).

В исследовании Соколовой мортальные практики рассматриваются не с точки зрения духовных или метафизических представлений, но как явление социальное. Такая постановка вопроса определяет и методологический подход, размещая анализ в поле таких наук, как этнография, антропология и социология. Автор опирается на исследования социолога Роберта Герца (2019), этнографа Арнольда ван Геннепа (1999), на их концепции обрядов перехода.

Как показывает исследование Соколовой, в короткие сроки создать новые смыслы обрядов перехода большевикам не удалось, несмотря на популяризацию идей «очистки» похорон от религиозных контекстов. Лишение тела обряда приводит к тому, что тело перестает быть социальной ценностью, а тогда любое обращение с ним оказывается бессмысленным. Однако живым было необходимо хоронить своих мертвых, удерживая социальную ценность, поэтому в большинстве случаев народ воспроизводил в ритуале те паттерны, которые знал и мог использовать в предложенных обстоятельствах (традиционных, сословных, конфессиональных). Через сохранение формы ритуала общество определяло ценность своей жизни.

Для понимания динамики формирований новых мортальных практик, как мне представляется, исключительно важно описание первых похоронных реформ в декретах 1918 года, предложенное автором во введении. Похороны, согласно общим большевистским идеям, должны были быть введены в систему социального страхования (наряду с медициной, образованием и пр.), обеспечиваемую государством. Общей задачей реформ было лишение конфессиональных институций контроля над мертвыми телами, создание единого для всех граждан похоронного ритуала и обеспечение его доступности для родственников умершего, а также легализация кремации.

Первая глава книги посвящена истокам церемониала похорон советских «вождей» и историческим процессам формирования практик публичных похорон, тесно связанных с революционной повесткой рубежа двух прошлых столетий. Соколова показывает, что публичные похороны в России на протяжении практически всего XIX века в той или иной степени работали как инструмент для политических манифестов. Будущая большевистская субъективность, собственно, и созидалась на политизированном характере этого социального явления.

В условиях литературной и газетной цензуры практика публичных похорон обеспечивала особую площадку для политических манифестов. Такая трансформация похоронных практик была, безусловно, связана с нарастанием внутренних конфликтов в российском обществе. Благодаря политизации похорон по всей стране создавались, с одной стороны, особые публичные локусы репрезентации единства идей и силы революционного движения, с другой – места памяти о том, что каждая смерть, случившаяся в борьбе за новый мир, являет собой необходимую жертву. Смерть становилась созидательным актом для новой будущности.

Отдельное описание в главе отводится так называемым красным похоронам. В 1920-е годы при отказе от старых ритуалов возникла потребность в созидании новой обрядности – гражданской. Основным источником для предпринятого автором анализа послужили газетные упоминания, дневниковые записи и воспомина-

ния, поэтому в описании и «красных» похорон представлена исключительно публичная точка зрения: торжественное шествие на кладбище под звуки оркестра, исполнение революционных песен, гражданская панихида у могилы и спуск гроба под ружейные выстрелы.

Стихийно и экспериментально образованный ритуал не мог утвердиться в единой форме, и, несмотря на повторяющуюся атрибутику, «красные» похороны не стали общей коллективной практикой – люди предпочитали хоронить «по-старому».

Автор рассматривает также дальнейшие попытки новой власти трансформировать семантику смерти во имя идей города будущего. Социалистическая утопия вытесняла смерть из городского пространства или делала ее объектом технического прогресса посредством создания новых для своего времени объектов индустриальной архитектуры – крематориев. Вследствие этого десемантизация смерти наложила свой отпечаток и на развитие раннесоветского городского планирования, и на трансформацию уже имеющихся городских ландшафтов (закрытие старых монастырских кладбищ для того, чтобы создать новый ландшафт, организовать новые институции и общественные пространства и пр.).

Однако убирая старое, на новое власть ресурсов не находила. В итоге городские кладбища, по воспоминаниям современников, становились не просто маргинальными местами (в первую очередь прибежищем для представителей преступного мира), но фактически уничтожались. Новые власти искали возможности для изменения ситуации. Автор описывает практики сдачи кладбищ в аренду для сельскохозяйственных нужд, привлечения к этому локусу общества краеведов, изменения в бюрократических процессах перерегистрации могил и т. д. Однако самым удачным для государства опытом оказалась передача кладбищ религиозным общинам.

Хочется заметить, что похороны – это не просто действия с мертвым телом, эти действия определяют связь живых. Близким необходимо было как-то похоронить своего мертвого вне зависимости от того, что происходило в стране и что спускалось «сверху». Тем более, что похороны прямо связаны с последующими практиками поминовения, а посещения кладбищ вписаны в семейный и общий календарь. Возможно, поэтому в описании перестройки кладбищ и кризиса в похоронной культуре Анна Соколова уделяет значительное место дневниковым свидетельствам современников тех событий.

Исследователь не ставила перед собой такой задачи, но, на мой взгляд, здесь было бы интересно проанализировать повседневные похоронно-поминальные практики через концепцию Мишеля де Серто о «стратегиях» сильных и «тактиках» слабых (2013). Напомню, что де Серто полагал, что «стратегия» – это понятие, связанное со структурами власти, а «тактика» – с личностью, создающей свое свободное пространство, обходя предписания стратегий. В то время как советская власть созидала свое видение кладбища как нового ландшафта, помещая его на абстрактную карту, люди перестраивали этот локус, создавали его границы, формировали новые практики, исходя из собственных возможностей и потребностей.

В попытке изменить семантику кладбища как места скорби и общины умерших, которых необходимо навещать и помянуть, новые власти формировали новый локус – некрополь у Кремлевской стены. Однако он был призван стать не локусом скорби и памяти, но местом для созидания новых политических ритуалов (демонстраций, парадов и пр.). Так место захоронения тел становилось не пространством единения живых и мертвых, а местом единения народа и власти (как живых, так и мертвых).

Несмотря на все футуристические планы и новые технологии, человеческая смерть была неизбежной и каждодневной – и в новом мире люди тоже не могли жить вечно. Остро стоял вопрос о необходимости новых технологий для утилизации мертвых тел и нового локуса, связанного с похоронами. Все чаще звучали идеи о смерти как части городского производственного цикла, и эти идеи создали новые промышленные предприятия – крематории, которым посвящена третья глава исследования.

Первые дискуссии о кремации возникают в Европе в XIX веке в основном в среде инженеров, врачей, архитекторов и богатых аристократов. Концептуально кремация выстраивалась на гигиеническом пафосе и подавалась как способ справиться с санитарными проблемами. Индустриальная революция и глобальная урбанизация не только повлияли на традиционную структуру общества, но и изменили отношение к понятиям индивидуальности и телесности: смерть становится «диагностической категорией с совокупностью симптомов, позволяющих утверждать окончание жизни» (с. 207). Таким образом, мертвое тело должно пониматься как человеческие отходы, которые должны быть уничтожены безопасно, экологично и технологично.

Вторая задача, которую решала кремация, состояла в эмансипации похорон от церкви. Обе задачи входили в повестку советской России, тем не менее исторический контекст вносил свои коррективы. Внутренняя миграция, рост городского населения и принесенные из деревень инфекционные болезни увеличивали количество смертей в мегаполисах. При этом нарушенный порядок в похоронной индустрии и вынужденные массовые коллективные захоронения меняли статус кладбища, оно превращалось из священного места в опасное. Власти пытались мыслить в русле европейской риторики гигиены и технологических прорывов. Однако создание первых советских крематориев не предполагало организации нового ритуала, необходимо было просто решить проблему – найти быстрый способ утилизации большого количества тел. Забегая вперед, следует добавить, что, опасаясь повторения подобного опыта, в 1940-е годы власти предпринимают попытку реформирования похоронной сферы.

Кремационные идеи как приметы цивилизованного мира и как призыв к атеизму фиксировались уже в первых советских текстах о крематориях. Соколова отдельно замечает, что, в отличие от европейской повестки, у них была еще одна черта – идея о красивом и достойном погребении. Крематорий, по архитектурным разработкам, должен был стать новым храмом, являющим своим видом новую идеологию и полную монополию на мертвые тела, теперь принадлежащие государству. Новый вид погребения должен был стать символом нового понимания тела.

Впрочем, в первом крематории в Петрограде, построенном на месте бань на Камской улице, концепция крематория-храма не была выдержана. Дело не только в сложной технологической системе, но и в экономических ресурсах. Долгое время единственным успешным проектом такого рода оставался Донской крематорий в Москве, однако аналогов ему в Советском Союзе в целом не было. Реакция со стороны народа также не была однозначной. По немногочисленным воспоминаниям современников, приведенным в книге, и едким анекдотам того времени можно судить об отношении к новой погребальной практике – ее презирали, боялись, а потому высмеивали.

Четвертую главу автор посвятила советской реформе похоронного администрирования, которая началась в 1919 году. Соколова указывает на то, что провозглашенный новый закон о равенстве в отношении социальных благ на практике был доступен только классу «трудящихся», социальная политика носила декларативный характер. Разрушение сословно-конфессиональной организации похоронного дела, непрописанная новая схема финансирования, неработающие декреты в итоге привели к упадку похоронной сферы и к формированию черного рынка. Автор приводит немногочисленные, но важные воспоминания современников, которые описывают нестабильные цены и невероятные расходы на похороны. Трудности возникали не только в связи с бумажной волокитой, но и с изготовлением гробов.

Некоторые ситуации и истории, описанные в книге, отражают социальное явление, которое Эмиль Дюркгейм, а вслед за ним Роберт Мертон и Питирим Сорокин называли аномией (Дюркгейм 1996; Мертон 2006; Сорокин 2012). Аномия, согласно Дюркгейму, есть феномен, присущий индустриальному обществу, он возникает в моменты смены одних социальных форм на другие до окончательного установления новых норм морали и солидарности. Революция, безусловно, относится к таким социальным потрясениям (это один из четырех «монстров», о которых говорил Сорокин). Однако похоронный кризис проявлял не только озлобленность, катастрофический упадок и разрушение социальных структур. Как в любом социальном кризисе, люди стремились к какой-то согласованности и определенной консолидации. Исследователь приводит примеры и простой бытовой помощи, и настоящего альтруизма.

Не менее любопытно в этой главе описание классового принципа оплаты погребения. Тариф на похороны определялся в зависимости от того, кем был покойный при жизни: рабочим или представителем так называемых свободных профессий.

Пятая, заключительная, глава книги, на мой взгляд, самая захватывающая. Она посвящена теме дистопии советской смерти и стратегиям «чистки» как основы большевистского мировоззрения. В основании новой большевистской похоронной культуры лежали два принципа. Первый включал в себя идеи социального государства, где похороны должны быть доступной социальной услугой. Второй касался материалистического подхода, согласно которому душе отказано в бессмертии.

Однако следование второму принципу порождало противоречие – если жизнь после смерти отсутствует, то как оправдать необходимые похоронные траты? Воз-

никший конфликт тормозил похоронные реформы и приводил к социальному кризису и дуальной системе похорон. В то же время для новой власти похороны становились очередным социальным инструментом в созидании новых практик памяти «правильных» покойников и, наоборот, забвения покойников «неправильных». К тому же статусные советские похороны, реализованные в рамках утопической модели, были общественным мероприятием и запоминающимся событием, в отличие от похорон обычных людей, мигрирующих в сферу просто телесной утилизации.

Кремация как новая похоронная практика также порождает двойственные смыслы. Автор пишет, что советская идеология в своем зачатке в качестве образца настоящего избрала для себя будущее и требовала не просто отказа, но и полного очищения от прошлого и всего к нему относящегося. Чистка представляет собой мировоззренческое ядро большевизма, очищаться необходимо от старого мира, от понятия «бывший», от пережитков старого и пр.

Соколова подчеркивает, что практики, связанные с концепцией очищения, представляют собой ритуальные архаизмы. Основываясь на идеях Мэри Дуглас о категориях «чистого» и «нечистого» как важнейших культурных константах (2000), автор анализирует концепт чистоты, рассматривая похоронные практики в ранне-советской идеологии. С точки зрения Дуглас, пишет Соколова, важнейшей функцией «чистого» и «нечистого» в культуре является выстраивание и поддержание социальных и когнитивных структур, работающих на поддержание ее устойчивости. «Нечистота», грязь и все ограничения, с ней связанные, – это все то, что находится «не на месте». И получается, что, с точки зрения большевистского мировоззрения, грязным (то есть «не на своем месте» находящимся) оказываются все те, кто уклонился от линии партии, те, чье поведение было коммунистически неприемлемым, те, кто разделял контрреволюционные идеи и пр.

Такой концептуальный взгляд на понятие чистоты в итоге становится отправной точкой модернистического кремационного движения. Кремация – это технология не только нового поколения, но и то, что позволяет контролировать нечистоту (процесс гниения). В то же время она создает новый вид останков – вещество без примесей, стерильно чистый белый пепел. Человеческая плоть через телесную деконструкцию в печи достигает некоего идеального состояния – чистоты без загрязнений, без «грязного» прошлого.

Так и возникает смысловая бинарность в практиках кремации. Для признанных лидеров нового государства кремация становилась технологией чистоты, призванной не допустить загрязнения правильного настоящего приметами смерти. Соколова отмечает, что изначально тело Владимира Ленина бальзамировали в ожидании окончания строительства первого крематория. При этом тела жертв массовых расстрелов тоже сжигали в тех же печах. Однако здесь, считает Соколова, речь скорее идет об окончательном уничтожении их «нечистоты», символическом уничтожении опасности. В отличие от такого беспрецедентного объекта, как мавзолей Ленина, места массовых расстрелов старались уничтожить, сделать невидимыми, стремились не допустить, чтобы они стали местами поклонения. Дальнейшие практики лишь придерживались тех же ориентиров.

Книга Соколовой – прекрасное историческое исследование, однако отмечу и некоторые его недостатки. В основном они касаются изложения. В разных главах книги встречаются смысловые повторы, причем выглядят они не всегда оправданными. Это создает впечатление, что перед читателем не монография, а сборник статей одного автора, объединенных под общей обложкой. Кажется неоправданным исключение автором из источниковой базы голосов людей, передающих свой опыт участия или переживания смерти, и если в разговоре о 1920-х годах использовались воспоминания, письма и дневники, то в описании следующего десятилетия их почти нет. Автор практически не приводит примеры эго-документов, обращая практически все свое внимание на риторику власти и ее многочисленные проекты. При таком подходе трудно, на мой взгляд, увидеть полную картину динамики похоронной культуры в повседневности обычных людей.

Эти мелкие замечания не умаляют всей значимости издания. Книга «Новому человеку – новая смерть?» Анны Соколовой – действительно важное событие для историков, социологов, культурологов, антропологов и любого читателя, интересующегося советской эпохой. Пожалуй, на сегодня это единственное комплексное исследование похоронной культуры в ранний советский период. Отдельно хочется добавить, что для культурной антропологии и этнографии эта работа значима еще и по той причине, что позволяет увидеть символическую практику в некоторой исторической динамике и понять механизмы изменений ритуала, помещенного в повседневность и политический контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ван Геннеп, Арнольд. 1999. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. М.: Восточная литература РАН.
- Герц, Роберт. 2019. *Смерть и правая рука*. М.: ARS PRESS.
- Де Серто, Мишель. 2013. *Изобретение повседневности*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Дуглас, Мэри. 2000. *Чистота и опасность = Purity and danger: Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле.
- Дюркгейм, Эмиль. 1996. *О разделении общественного труда*. М.: Канон.
- Мертон, Роберт. 2006. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ, Хранитель.
- Онипко, Кира. 2016. «Бытование некролога в социальном порядке небольшого города». *Археология русской смерти* 2:155–174.
- Сорокин, Питирим. 2012. *Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь*. СПб.: Издательский дом Мирь.